

СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНЫЙ ПОДХОД К ЛИЧНОСТИ И АНАЛИЗУ ЕЁ СО-БЫТИЯ С ДРУГИМИ (КОНСТРУКТИВНАЯ ВЕРСИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ «НАСТРОЕНИЙ»)

.....

З. И. Рябикина, Г. Г. Танасов¹

В предлагаемой статье развиваемый нами и нашими коллегами субъектно-бытийный подход к личности, содержание которого представлено уже во многих защищенных диссертациях и иных научных текстах, предстает с новыми акцентами, обусловленными стремлением прояснить связь субъектно-бытийной интерпретации личности с конструктивными особенностями постмодернизма. Представлена сложившаяся на основании субъектно-бытийного подхода к личности концепция со-бытия, создающая возможность увидеть проблемы отношений между людьми с позиций личности, реализующей определенные стратегии самоактуализации, самоосуществления.

Ключевые слова: личность, субъект, бытие, субъектно-бытийный подход, постмодернизм, общение, со-бытие.

In the present paper we develop ourselves and our colleagues in the subjective-existential approach to personality, the contents of which have already provided many protected dissertations and other scientific texts, is presented with new accents, a result of trying to clarify the relationship of subject-existent with the interpretation of individual design features of postmodernism. Submitted by circumstances on the basis of subjective-existential approach to the personality concept of coexistence, creating an opportunity to see the problem of relations between people in terms of personality, realizes the strategy of self-actualization, self-realization.

Key words: personality, the subject, being, the subjective-existential approach to postmodernism, communication, co-existence.

¹Рябикина Зинаида Ивановна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru

Танасов Георгий Георгиевич — кандидат психологических наук, докторант Кубанского государственного университета. Эл. почта: Lyoha@econ.kubsu.ru

Различными дорогами мы шли к постмодерну...

Неклассический вектор в развитии психологической науки, методологическое переоснащение науки в контексте постмодернистского дрейфа, реконцептуализации предметного содержания психологии — все эти заявленные и обсуждаемые перспективы развития психологии проявляют слитность отечественной науки с общими трендами мировой научной мысли.

Тем не менее различными дорогами мы шли к постмодерну...

В отечественной психологии советского периода философские методологические основания научного знания, став основой официальной государственной идеологии, обрели гипертрофированное значение и превратились в косный, неспособный к изменению механизм, незыблемость которого поддерживалась самим институтом политической власти в стране. Не всегда эта регуляция в сфере научного осмысления исследуемых проблем осуществлялась в грубой форме прямого вмешательства внешних оценщиков, цензоров, охраняющих «чистоту идеологии». Чаше исследователь, приняв методологические посылки в процессе формирования своего научного мировоззрения как некие не подвергающиеся сомнению критерии, все последующее здание своих представлений об исследуемом предмете строил на этом фундаменте. Его «внутренний критик» осуществлял дифференциацию последующей научной информации, обеспечивал выстраивание логических цепей, процесс концептуализации. Примером этого может быть высказывание В. П. Зинченко о А. Н. Леонтьеве: «Внешне он был свободен, но ценой внутренней несвободы, что, конечно, сказывалось на его научной деятельности... Идеологическое бытие было не только формой, оно проникало в содержание деятельности и сознание ученого, накладывало печать на личность, лишало ее подлинной непосредственности» [9, с. 134].

Из-за идеологических ограничений отсутствовала возможность для открытого движения мысли и отражающих это движение текстов. Если западные коллеги чувствовали себя в научной дискуссии как приятели за обеденным столом (т. е., конечно, надо соблюдать некий этикет, но не страшно, если вы отворачиваетесь от приятеля, сидящего слева, чтобы поговорить с приятелем, сидящим справа), то в нашей научной «дискуссии» мы не могли не руководствоваться присутствием «каменного гостя».

При этом какая-то часть научного сообщества, действительно, не располагала достаточно полной информацией о происходящем на Западе или получала это знание в препарированном виде, только в критическом ракурсе, обусловленном необходимостью придерживаться идеологически выверенных конструктов, соответствующих принципам диалектико-материалистического подхода; другая же часть научного сообщества обладала более точными представлениями о западной науке, но в силу тех же причин селектировала эту информацию, искала и находила возможность поменять ракурс, переставить ак-

центры, переинтерпретировать. Можно предполагать, что иногда благие побуждения приводили к тому, что отдельные идеи могли заимствоваться, а их авторство вынужденно умалчивалось.

Таким образом, нельзя сказать, что отечественная психология развивалась вне мирового сообщества, но в силу ущербности, искаженности реализуемых способов научной коммуникации это развитие несло отпечаток упомянутых ограничений.

Становление взглядов на предмет психологической науки показывает общность этой динамики в зарубежной и отечественной науке. В зарубежной психологии они демонстрируют следующее движение: от интереса к внутреннему устройству субъективного мира (психологии сознания, структурная школа), к проблеме внешней детерминации психического (отношение между психикой и детерминирующими ее внешними, объективными явлениями: организм, среда, поведение), что реализовалось во фрейдизме, гештальт-психологии, бихевиоризме, и затем к осознанию значения потребности личности в *самоактуализации*, в связи с чем внимание исследователей гуманистической психологии сфокусировалось на том, как внутреннее реализует себя в переустройстве внешнего мира.

Советская наука предложила свою версию предметного пространства. Принципы марксистской психологии, задававшие ориентацию на исследования сознания и личности через деятельность и акцентировавшие роль культурно-исторического контекста в их формировании, создали основу для включения новых аспектов в понимание предмета психологии, *развивающих представления о природе детерминации психического*, и тем самым дополнили общую схему предметного пространства психологии. Преодолевая узость подобной трактовки понятия «личность», отечественные психологи, наряду с ним вели разработку понятия «субъект», фокусировавшего внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская и др.).

Таким образом, как западная, так и отечественная психология пришли к осознанию необходимости научного поиска, обращенного к проблемам человека, являющегося *субъектом* преобразований бытия. *Порождающий* характер психики и *субъектная (преобразующая)* направленность личности стали основными направлениями в переосмыслении предмета психологической науки.

В отечественной психологии сложный этап наступил вместе с переживаемой страной перестройкой. С одной стороны, голова закружилась от избытка хлынувшей из-за рубежа информации. Смесь научных и околонучных представлений, внедрявшихся в расслабленное сознание упоенных чувством свободы людей (нельзя сбрасывать со счетов и то, что западными коллегами это воспринималось как дарованная им возможность распространить свое

влияние, почувствовать себя миссионерами, проповедующими истину в стане туземцев, заработать, соответственно возобладали более энергичные...). Мы, привыкшие к столу «без излишеств», оказались в центре пиршества, похожего на вакханалию. Какая там методология? До нее ли? Большая часть сил расходовалась (как у человека, впервые попавшего на распродажу в супермаркет) на то, чтобы больше нахватать: звучных имен до этого неведомых западных авторов, названий и в краткой версии кое-как изложенных практико-ориентированных подходов.

В. К. Шабельников характеризует это как «годы хаотических метаний постсоветской психологии, пытавшейся либо определить себя в русле зарубежных школ и направлений, либо использовать эклектическое смешение житейской мудрости с популярными терминами и методиками для решения частных задач» [33, с. 23].

Конечно, более серьезно настроенная часть научного сообщества с самого начала этого «кутежа» сохраняла верность академической науке и стремилась сбереечь, поддержать и развить достижения отечественной психологии. Но научные идеи нельзя законсервировать, в новых обстоятельствах жизни они должны быть включены в обновленный дискурс. Этот момент перехода научного знания, сложившегося в условиях советского времени, под определенным идеологическим прессом, в новое качество происходил с активной отсылкой к теме *неартикулированного* знания.

Историки науки активно заговорили о необходимости вернуться к анализу пройденного и, может быть, реинтерпретировать имевшие место в науке подходы, открытия, иную научную информацию [1]. А. В. Петровский, например, писал, что «следует различать устойчивую и плодотворную традицию советской психологической мысли... и стереотипы, нами некритически усвоенные и сложившиеся под влиянием недостаточно обоснованных подходов, отражавших ситуативные высказывания отдельных, в том числе и видных, ученых» [18, с. 56].

Продолжателям и интерпретаторам открылась возможность напомнить о сказанном, но не написанном; о написанном, но не опубликованном; об опубликованном, но которые «теперь в новых обстоятельствах надо читать совсем не так, как это было написано, потому что автор был под прессом и говорил иносказательно» и т. д.

Отсутствие ясной соотнесенности между прошлыми достижениями отечественной науки и современными исследованиями не преодолено и обоснованно относится авторами, анализирующими современную ситуацию в науке, к симптомам неблагополучия, нарушения целостности, коммуникативной эффективности научного сообщества [36].

Говоря сейчас о нашей непростой научной истории, участниками и субъектами которой мы были и остаемся, мы преследуем единственную цель — напомнить о тех мощных деформирующих развитие отечественной науки влияниях, которым она долгое время подвергалась. Наш путь был не легким, тем не менее мы, так и не построив коммунизм и не создав единственно верную методологию советской психологии, оказались в постмодерне и в пострациональной модели психологического знания вместе с нашими коллегами с Запада, которые шли совершенно иным путем. Оказались мы там со всем нашим багажом, накопленным на долгом пути становления отечественной психологии.

Категория «субъект» и содержание субъектно-бытийного подхода к личности

Деконструкция важных для науки понятий, которые мы как преемники и последователи вынесли из советской психологии, показывает, что, пронеся их через разные контексты собственных научных интересов, поместив в различающиеся категориально-понятийные модели, мы обогатили их новыми смыслами. В категории «субъект», в зависимости от развиваемого научного подхода (субъектно-деятельностного, субъектно-системного, субъектно-средового или субъектно-бытийного), от той внутренней истории «работы с понятиями», происходившей в процессе оформления подхода, акцентируются разные аспекты. Если в создаваемой А.В. Брушлинским психологии субъекта главенствовало «стремление... при исследовании психологии человека *не ограничиваться когнитивными схемами рассуждений* (выделено нами. — З. Р., Г. Т.)» и для ученого это было очевидным, когда он обратился к анализу проблем тоталитаризма, свободы, гуманизма, духовности [11], то в субъектно-бытийном подходе к личности обращенность к категории «субъект» стала необходимой, чтобы операционализировать гуманистическую интерпретацию личности со свойственным ей акцентом на теме самоактуализации.

В субъектно-бытийном подходе продолжены *традиции гуманистической интерпретации личности и субъектного подхода к человеку*. Предлагая свою концепцию человеческой природы, представители гуманистической психологии утверждают, что человеку свойственна интенция самоактуализации, стремление «состояться во всей полноте своего потенциала» [15]. Сама интенция дана человеку от природы, но конкретные очертания, возможность и содержание самоактуализации, того, *как и с какой полнотой* человек реализует себя в мире, определяются социальными обстоятельствами, культурой, тем местом, которое занимает человек в мире. Среда может благоприятствовать или препятствовать интенции самоактуализации. В последнем случае принято говорить о «социальных прессах» [31].

Субъектный подход фокусирует внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке, на *«изначально активной роли*

социализируемого индивида» (А. В. Брушлинский), а также на взаимной имплицированности бытия и человека (С. Л. Рубинштейн), на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное.

Субъектно-бытийный подход обуславливает направленность человека на переустройство бытия в соответствии со *структурой сложившихся личностных смыслов*, т. е. на преобразование реальности внешнего мира таким образом, что он становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии. При этом пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру (этот взгляд представлен также в концепциях

У. Джемса, К. Левина, Э. Мэйли, С. К. Нартовой-Бочавер и др.) и личность становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека (как субъективные, так и объективные) в неразрывное целое.

При этом генез отдельных личностных смыслов и их организация в систему не могут быть поняты без анализа трех системно организованных пространств объективных явлений (среда, организм, поведение), предваряющих становление личности и прослеживающихся в последующем как в структурной организации психики в целом, так и в трехкомпонентном строении личностного смысла. А. В. Юревич называет это «фундаментальной психологической триадой» и призывает провозгласить ее «универсальным принципом построения психологической реальности» [35, с. 509–510].

Отнесенность психического к организму и отнесенность к внешнему миру традиционно выступают как два кардинальных параметра. Характер связи с деятельностью выделяется своей еще большей слитностью с областью психических явлений.

Глобальная задача, решаемая по мере формирования психической организации и личности как вершинного интегратора этой организации, состоит в согласовании системы потребностей индивида с системой «означенных» культурой событий среды (среди которых потенциальные предметы его потребностей) и системой освоенных индивидом способов деятельности, ориентированных на присвоение отвечающих его потребностям предметов.

Личность предстает как полисистемное образование, включающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). При этом, дифференцируя пространство психических явлений на *смысловой и действенный (бытийный)* слои [3], следует сказать, что в *бытийном* слое психики представлены три пространства явлений, имеющих непосредственное продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия: организмические состояния индивида, реалии среды и деятельность (поведение). В психологическом про-

странстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимопротекающие подпространства: «мотивационно-потребностная сфера», «образ мира», «планы и структуры поведения». Захватывая смысловое или собственноличностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: *аффективный, когнитивный, конативный*.

Таким образом, в личностном смысле «присутствуют»: информация о внешнем событии, ставшем предметом отражения; акты поведения, обеспечивающие распределение, «опредмеченная» потребность, конкретизировавшаяся в мотиве и украсившая предмет и поведение пристрастностью.

Системно организуясь, смыслы образуют смысловую сферу личности. Именно смысловой слой психики и составляет особую психологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой бытия.

В отличие от рассмотрения структуры личности через перечисление ее свойств, подструктур (например, характер, темперамент и пр.), в котором личность предстает как «объективно» описываемая *бессубъектная* сущность, в субъектно-бытийном подходе к личности стержневую, главенствующую позицию в структуре личности занимает рефлекслируемый личностью, в значительной мере сознательно конструируемый ею как субъектом *смысл жизни*.

Абстрагируясь от его содержательных характеристик, понимаемых и представляемых каждым человеком по-своему, можно сказать, что формально-динамическая сторона *смысла жизни* состоит в тенденции к упорядочиванию систем четырех пространств: системы личностных смыслов с системной организацией среды (предметно-пространственная среда, время жизни, структура межличностных отношений и пр.), с системой деятельностных (поведенческих) возможностей и с мотивационно-потребностной системой индивида.

Сформировавшееся у личности представление о смысле жизни приводит к изменению нижележащих в иерархии смыслов и инициирует переструктурирование, содержательное изменение перечисленных объективных пространств бытия. Овладевая подчиненными ей субъективными и объективными пространствами бытийности, личность выстраивает их, самоактуализируясь в этом созидании, воспроизводя структурные характеристики своего смыслового пространства и его содержание в пространствах своей организмичности, своей деятельности, своей жизненной среды (организация времени, предметно-пространственной среды, *межличностных отношений* и пр.).

Конструктивная версия постмодернистских «настроений» в субъектно-бытийном подходе к личности

Парадоксальная ситуация, о которой пишут А. Л. Журавлев и А. В. Юревич в предисловии к книге «Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива» [8], проявляется в том, что психологическая практика существен-

но опережает теорию и методологию. Еще одним аспектом, подтверждающим парадоксальность в развитии психологической науки предстает запаздывание методологической рефлексии по отношению к теоретическим новациям. Для автора теоретических размышлений важнее оказывается отослаться в обосновании своего подхода к устоявшимся методологическим принципам, чтобы утвердить свои претензии на его эвристичность и жизнеспособность. Аналитическая методология, или методология «последствия» (после теоретического оформления взглядов на проблему и после эмпирических исследований, подтвердивших здравость оформленных в теорию идей), нередко запаздывает. Новая методология зачастую не эксплицирована. Как вполне обосновано пишет М. С. Гусельцева, «проникновение постмодернизма в психологию на самом деле уже совершалось неявным, не всегда заметным образом» [6, с. 57]. Нет оснований оспаривать эти утверждения, хотя бы потому, что «нельзя остаться сухим, если в мире идет дождь».

В каких идеях, в каком виде постмодернистский дух просочился в субъектно-бытийный подход? Попробуем увидеть это.

О постмодернизме написано много, но принципиальная недоконцептуализированность препятствует однозначному толкованию и смешивает доводы. Тем не менее целесообразно подчеркнуть, что постмодернизм не предполагает резкой смены парадигм. Это, скорее, нюансировка, «утренный» взгляд, вскрывающий новые стороны в знакомом объекте. Это переакцентирование и реинтерпретация, которые могут не отрицать результаты предшествующего анализа, а добавлять к нему новые аспекты, обогащая и углубляя исследование. В. В. Знаков, сравнивая три типа рациональности, соответствующие историческим этапам человеческого познания, делает вывод о возможности их системного сосуществования [10].

Рассуждая о возможностях и ограничениях постмодернизма в научном познании мира, Г. А. Тульчинский считает, что он хорош как приправа к блюду, но самого блюда он заменить не может; блюдо должно быть изначально приготовлено [28, с. 30]. Попытка сделать из критического анализа, из деконструкции чего-либо самостоятельную концепцию не конструктивна. Именно такого рода чаяния приводят к разочарованию и жесткой критике в адрес постмодерна, который уличают как идеологическую мистификацию. Й. Паркер полагает, что под влиянием постмодернизма происходит размывание психологических понятий, и игровые теоретические рефлексии уводят от реального состояния дел в психологии [37].

В субъектно-бытийном подходе, как мы уже отмечали, *продолжены традиции* гуманистической интерпретации личности и субъектного подхода к человеку, и этот вектор совпадает с существенным для постмодернизма трендом. «Постмодернизм возвращает в психологию *методологический принцип субъек-*

ектности — легализует субъективный опыт», — отсылаясь к А. В. Юревичу, пишет М. С. Гусельцева [6, с. 69].

В субъектно-бытийном подходе бытийное пространство личности рассматривается как субъективно-объективная реальность или неповторимая целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное), т. е. «происходит снятие дихотомии внешней и внутренней реальности» [6, с. 48]. «Каждому субъекту картина мира открывается из его уникально-бытийной перспективы...» [6, с. 66] — это утверждение описывает особенности взгляда на человека, исследуемого и трактуемого с позиций постмодернистской методологии, и это же утверждение в полной мере соответствует взглядам на личность, развиваемым в субъектно-бытийном подходе.

Исследования в рамках субъектно-бытийного подхода обращены к самопознанию и самоосуществлению личности, что также отражает важную для постмодернистских настроений исследовательскую стратегию. В них отразилось, свойственное современной психологии в рассмотрении проблем человека «повышение субъективности и гуманистичности» [14, с. 199], так как смысловая организация личности рассматривается как ядерное образование, обуславливающее становление и проявление разнообразной личностной феноменологии, структурирование личностью ее бытия.

Анализ со-бытия личности с Другими с позиций субъектно-бытийного подхода

Субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает субъектом. Одно из таких направлений анализа и интерпретации — сфера межличностных отношений личности, общение. Общение может быть рассмотрено как *область самоактуализации личности*, одно из пространств бытийности, которое она (личность) стремится организовать в соответствии со структурой своих личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений [25].

Мы неоднократно подчеркивали, что при понимании личности как субъекта, создающего реальность своего бытия, важно увидеть и понять проблемы, возникающие в связи с тем, что в процессе объективации своего замысла личность всегда сталкивается с *сопротивлением бытия других людей*, воплощающих свои смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в то же время [22]. Определенным образом организованные пространства бытия другого человека могут быть и *поддерживающим* ресурсом для личности. Важно то, подчеркивал С. Л. Рубинштейн, что «другой

человек со своими действиями входит в «онтологию» человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия» [20, с. 379].

Бытие с Другим, или со-бытие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых человек с присущей ему интенцией самоактуализироваться доступными ему способами пытается состояться во всей полноте своего потенциала, расширить свое бытие. В обстоятельствах со-бытия с Другим он, селектируя возможные виды активности, возможные социальные роли, пытается объективировать свой субъективный мир, претворив его в предметно-пространственной среде общего жилища, в организации времени совместной жизни и пр.

В.А. Петровский пишет о двух формах актуализации: культурализации (т.е. предметно-преобразовательной деятельности) и персонализации субъекта (продолжении своего бытия в Другом) [19]. При этом предполагается, что в общении реализуется возможность самоактуализации в форме персонализации (идеальная представленность в Другом). Но организация смыслового пространства другого человека (других людей), приведение ее в соответствие со структурной организацией смысловой сферы субъекта самоактуализации осуществляется и посредством реорганизации объективных пространств их совместной бытийности. Таким образом, две названные формы актуализации в со-бытии с Другим смешиваются. Как обоснованно пишет В.Е. Клочко, мы до сих пор «сталкиваемся с ... *проблемой игнорирования в психологии онтологических оснований человеческой жизни*, когда нивелируются проблемы пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительного мира» [12, с. 47]. Нашей науке «по-прежнему не хватает понятий, описывающих процесс «инкарнации» (М. Бахтин) вещей в человека, а человека в мир, хотя с каждым днем все глубже принимается мысль о том, что границы между человеком и миром весьма условны» [12, с. 46].

Когда бытийные пространства двух и более человек характеризуются *структурно-смысловой общностью*, можно говорить о *со-бытийности*. В идеале («основной идеальный объект» теории [5]) со-бытийность предполагает единый образ мира (и структурированную совместно предметно-пространственную среду, время и пр.); сходство поведенческих паттернов, сложившихся способов распределечивания реальности; достижение телесной (организмической) синтонности, единства или схождения мотивационно-потребностных состояний.

В качестве модели для выделения и анализа феноменологии со-бытия и рассмотрения закономерностей этого сложного явления можно принять *супружеские отношения*. Субъектно-бытийный подход к личности позволяет по-новому рассмотреть и дефинировать феноменологию этого бытийного поля, по-новому интерпретировать практики супружеской жизни.

Со-бытийность строится в непрерывном *диалоге* субъектов. Это «повседневный мир, состоящий из асимметричных, неопределенных, неустойчивых процессов» [6, с. 49–50], именно таких, какими сейчас предстают отношения мужчины и женщины в формате брачного партнерства. Понимание такого мира возможно только в диалоге, через анализ диалога, поскольку «объективности можно достичь посредством диалога, коммуникации...» [6, с. 65]. Именно и только интерсубъективность здесь становится критерием истинности.

В исследовании, которое с нашим участием провела А.Р. Тиводар, предложена *теоретико-феноменологическая модель со-бытия личности в браке*. Она представляет систему теоретических утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию брачного со-бытия. Феноменологическая часть модели позволяет представить особенности и различия позиционирования мужчины и женщины в браке, динамику феноменов со-бытийности в процессе развития брачных отношений, увидеть и проинтерпретировать противоречия современного брака [27].

Модель со-бытия предполагает континуальность, непрерывность происходящих изменений, а следовательно, возможность преодоления фрагментарности и статичности картографического подхода, поскольку внимание в исследованиях переключается с рассмотрения личностных черт (как фактора совместимости) на дуальный процесс оформления личностной идентичности субъектов и их аутентичного со-бытия в браке.

В теоретическом рассмотрении проблемы брачных отношений осуществлен переход от *статичного* конструкта «совместимость» и соответствующей ему модели адаптации к *динамическому* конструкту «со-бытийность», отвечающему основным посылам субъектно-бытийного подхода к личности, и соответствующей ему модели конструирования бытия взаимодействующими в общем бытийном пространстве субъектами.

Если основным индикатором *совместимости* служит эффективность совместной деятельности, срабатываемость, то *со-бытие* предполагает помимо деятельности включение многих иных пространств, в которых субъекты выстраивают свое бытие (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений и т. д.). Об эффективности этих процессов свидетельствует чувство *субъективного благополучия* личности, глубинной причиной которого является состоявшаяся самоактуализация, обеспечивающая возможность экспансии личности на внешние пространства, достижение конгруэнтности между внутренним и внешним миром и вследствие этого чувство личностной идентичности, подкрепленное тем, как организованы ее бытийные пространства (предметно-пространственная среда квартиры, пространство межличностных отношений и пр.).

Переход от индивидуального и автономного бытия личности к совместной жизни в браке традиционно рассматривался как сложный и чреватый кризи-

сами период взаимного приспособления, проверки и уточнения отношений. В традиционных подходах для его описания применяется модель адаптации. Однако слова «взаимная адаптация» мало проясняют проблему. Остаётся открытым вопрос о том, чьи нормы принимаются за основу и как определяется необходимое направление адаптивного движения тогда, когда встречаются и пересекаются бытийные пространства двух партнеров в браке. Модель адаптации не дает ответа на эти вопросы. Она не отвечает также и на вопрос о том, чьим становится бытие брачной пары после некоего периода согласования. Модель со-бытия представляется более конструктивной.

Рассмотрение со-бытия брачных партнеров позволило уточнить и дополнить новым эмпирическим содержанием понятие «*бытийное пространство личности*». Данное понятие позволяет зафиксировать способ существования человека как объективной реальности, наделенной субъективной составляющей. Это *объективно-субъективная реальность*, обусловленная многообразием различных статусов, которыми наделен человек. Будучи объективным, оно не сводится только к вещественной данности, но одновременно является ментальной конструкцией, обуславливающей наделенность предметов среды смыслами, чувственной окраской, переживанием ценностности и прочей субъективной психологической феноменологией. Бытийное пространство — это продолжение личности (объективация ее личностных смыслов в преобразованиях среды), единство ее средовых идентификационных признаков, закрепленный в предметах и ритуалах *порядок ее существования*. Это поддерживающий ее идентичность свод напоминаний о пройденном, о том, что состоялось в прошлом и обрело статус материализованного в предметах факта; это обращенные к личности напоминания о намерениях, инициирующие ее активность стимулы, расположенные в бытийном пространстве в соответствии с их значимостью.

Предметно-пространственная среда жилища — одно из бытийных пространств личности, в котором она реализует (претворяет) свою субъектность, подчиняя организацию среды своей сложившейся системе смыслов. Если прибегнуть к образной формуле В.Е. Клочко, «смыслы — это субъективная «разметка» объективной реальности, вырезающая из безразличной «среды» (или столь же безразличного «окружения») то, что *соответствует* человеку здесь и теперь как *необходимое условие жизни*» [12, с. 49].

В исследовании супружеского со-бытия интерсубъективность партнеров взята как предмет рассмотрения и в вербальном диалоге, и как реализованная в предметном пространстве квартиры. Как подчеркивает Д.А. Леонтьев, выделяя один из аспектов неклассического прорыва в психологии, «психические содержания и процессы существуют не только в интраиндивидуальной форме, будучи привязаны к активности нервной системы индивида», но и «в объективированной, опредмеченной форме в культурных артефактах и могут переда-

ваться (транслироваться) от индивида к индивиду» [13, с. 79]. В практике повседневного бытия это происходит менее пафосно, посредством организации предметов и пространства близкими нам людьми, создающими предметно-пространственную среду совместной жизни.

Как метод анализа возможна, обоснованна и эвристична деконструкция (Ж. Деррида предложил этот термин для обозначения процесса переосмысления прожитого) «предметного мира», т.е. неязыковых атрибутов культуры. Диалог не исчерпывается обменом словами. Смыслы «разомкнутых сознаний» (М. Бахтин) *взаимодействуют, создавая ткань субъективно-объективного пространства со-бытия* и посредством других знаковых систем. Любой предмет, соотносимый с субъектностью другого человека, предстает в нашем сознании как знак, информирующий нас о характеристиках, намерениях, отношении к нам этого субъекта. Деконструкция «больших научных понятий» — это ее *пафосный* вариант. В рассмотрении бытовых отношений между конкретными субъектами жизнедеятельности как участниками никогда не прекращающегося диалога анализ предметно-пространственной среды квартиры, в которой они живут, — пример такой деконструкции.

Исследования показали, что субъектная позиция личности в браке обусловлена ее потребностью в достижении приватности в жилище. Вступив в брак, человек переструктурирует границы своего личного поля в связи с новой конфигурацией отношений как с брачным партнером, так и с другими членами семьи. Каждый из партнеров очерчивает границы своего приватного пространства (организуется предметно-пространственная среда квартиры, строится и согласуется временной распорядок жизни, выстраиваются приоритеты в отношениях с внешними Другими и т.д.) и пространства своей сформировавшейся молодой семьи. Разделенность среды и выделение в ней приватного пространства позволяют личности, с одной стороны, реализовать свою субъектность, а с другой — стать средством для балансирования ее потребностей в совместности и автономности. В отношении личности с предметной средой жилища прослеживается ее субъектно-интерпретационная претворенность (формирующий «образ дома») и субъектно-деятельностная претворенность (изменение внешних признаков жилища).

Исследования показали, что у женщин и мужчин интенсивность потребности в приватности и ее отдельных составляющих, ее динамика в процессе брака различаются. Анализ структурирования предметно-пространственной среды жилища показал, что проявления приватности с начала брака больше свойственны женщине. С возрастанием стажа брачного со-бытия эти проявления упрочиваются, в то время как мужчина уступает свою территорию в более приватных частях жилища и позиционирует себя на внешних по отношению к жилищу территориях (машина, мастерская и пр.) или на более открытых, менее защищенных от контактов территориях (гостиная). Таким образом, проис-

ходит *укоренение* женщины на территории приватного пространства жилища и *вытеснение* мужчины с этой территории.

Более того, выявлено, что существенным фактором субъективного благополучия личности в браке является интенсивность потребности в приватности, а «мужская» и «женская» ситуации выглядят контрастными. У мужчин с чувством субъективного благополучия снижены потребности в приватности (как у них самих, так и у их брачных партнеров). У женщин субъективное благополучие связано с собственными высокими показателями приватности. Оно обусловлено также тем, насколько муж способен артикулировать и защищать свои ценности и насколько ему свойственно чувство своей территории и готовность ограждать ее от вторжений. Но женщина не удовлетворена браком, если превалирует мужская претензия на приватность.

Анализ динамики показателей приватности показал, что на первых порах супружество как союз двоих прежде всего ориентировано на *создание жизни вдвоем*, на отделение своего бытия от бытия тех более опытных и зрелых людей, вместе с которыми жили молодые люди до вступления в брак. Поэтому субъективное благополучие партнеров связано с более высокими показателями их приватности. Но поскольку приватность есть *присвоенность*, естественны конкурентные отношения между людьми, выстраивающими свое бытие на единой территории. В более зрелом браке то, что было благом в начале супружеской жизни, может обернуться проблемой, обуславливающей конфликтность внутри самой супружеской пары. Поэтому в парах с более продолжительным стажем супружеской жизни субъективно благополучными оказываются те партнеры, у которых нет высоких показателей, характеризующих их претензии на приватность.

Анализ средового поведения субъектов брачного со-бытия в приватном пространстве жилища выявил различные модели поддержки идентичности у мужчин и женщин: женщине необходимо уединиться, временно отграничить себя от влияний со стороны мужа, укрыться от контактов, углубившись в осмысление происходящего в семье (*созерцательно-рефлексивная позиция субъекта*); мужчине требуется углубиться в привычную, уводящую от проблем семейных отношений деятельность (*действенная позиция субъекта*).

Как показывают приведенные факты, сложившаяся на основании субъектно-бытийного подхода² к личности концепция со-бытия создает возможность увидеть проблемы отношений между людьми с позиции личности, реализующей определенные стратегии самоактуализации, самоосуществления.

² Его содержание представлено во многих защищенных диссертациях и иных научных текстах [2; 4; 7; 16; 17; 21–23, 26, 27, 29, 30, 32, 34 и др.].

Библиографический список

1. *Анциферова Л.И.* История психологии и психологическая теория личности // Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992.
2. *Бондарева О.В.* Особенности проявления эгоистической направленности личности в пространстве супружеских отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009.
3. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
4. *Бурмистрова-Савенкова А.В.* Личность и среда: регуляция границ бытийного пространства. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
5. *Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
6. *Гусельцева М.С.* Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
7. *Диденко Е.Н.* Психология со-бытия супругов в семьях моряков и «береговых» семьях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2008.
8. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Введение // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
9. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. №2.
10. *Знаков В.В.* От психологии субъекта к психологии человеческого бытия // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
11. *Знаков В.В.* Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие: субъектный подход/отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
12. *Клочко В.Е.* Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме транспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей/отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
13. *Леонтьев Д.А.* Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
14. *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетей, 2000.
15. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
16. *Ожигова Л.Н.* Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
17. *Панов Д.А.* Личность как субъект предметно-пространственной среды дома: дизайнер и пользователь: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.
18. *Петровский А.В.* Развитие личности. Возрастная периодизация // Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 1987.

19. *Петровский В. А.* Личность в психологии. Ростов н/Д: Феникс, 1996.
20. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
21. *Рябикина З. И.* Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1995.
22. *Рябикина З. И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия/под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
23. *Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. № 2.
24. *Рябикина З. И.* Теоретико-эмпирическая интерпретация личности с позиций психологии субъекта А. В. Брушлинского // Личность и бытие: субъектный подход. К 75-летию А. В. Брушлинского/отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
25. *Рябикина З. И., Сомова Е. Г.* Личность и ее самоактуализация в общении // Мир психологии. 2001. № 3.
26. *Танасов Г. Г.* Личность в переговорном процессе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2002.
27. *Тиводар А. Р.* Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. Краснодар, 2008.
28. *Тульчинский Г. А.* Постчеловеческая персонология // Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002.
29. *Удачина П. Ю.* Личность как субъект организации времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
30. *Фоменко Г. Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. Краснодар, 2006.
31. *Холл К., Линдсей Г.* Теории личности. М.: Изд-во «КСП+», 1997.
32. *Чистилин А. Н.* Личностная обусловленность содержания свободного времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2004.
33. *Шабельников В. К.* Предметность и субъектность детерминирующего мира в концепциях психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1.
34. *Шлыкова Ю. Б.* Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
35. *Юревич А. В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
36. *Юревич А. В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.
37. *Parker I.* Against postmodernism: Psychology in cultural context // Theory and Psychology. 1988. Vol. 8 (5).